

Андрей Лариков
Алексей Стрельцов

За чертой

Решение

Алексей Стрельцов

Андрей Лариков

За чертой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8491408

ISBN 978-5-4474-0274-7

Аннотация

«За чертой» – пронзительная история Ильи Быкова, бывшего опера из отдела наркотиков, которого после ложного обвинения осудили и вышвырнули на улицу. Оставшись без работы, растоптанный, преданный и никому не нужный, экс-полицейский сталкивается с подкрадывающейся нищетой. Страстное желание отомстить за собственные боль и унижение и необходимость обеспечивать семью толкает Быкова на неожиданный и чертовски опасный шаг. Это решение изменит его жизнь навсегда. Бывший страж закона переступает черту: он выходит на улицы города с пистолетом в руках, чтобы... грабить наркоторговцев.

Содержание

Пролог	5
Леха	10
Быков	16
Шершук	31
Быков	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

За чертой

Решение

Андрей Лариков

Алексей Стрельцов

*Человек – это труп,
Завернутый в тулуп,
Задроченный до слёз
И выброшенный на мороз.
Во все стороны смотрящий -
Не идёт ли Разводящий?
Гражданская Оборона – Часовой*

© Андрей Лариков, 2014

© Алексей Стрельцов, 2014

© Андрей Лариков, фотографии, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Пролог

...Полоска крови, тянущаяся от безвольно раскинувшегося на полу тела, расширялась и бежала вперед. Маленький кровавый ручеек. Быков застыл, пораженно глядя на то, что сделал. Отдача от выстрела все еще гудела в его руке, сжимающей пистолет. А Быков даже не дышал, глядя на умирающего – или уже умершего – на полу.

Позже Быков, вспоминая это событие десятки и сотни раз, прокручивая его в памяти снова и снова, понимал, что эта звенящая тишина продолжалась лишь короткий миг. Но в этот самый короткий миг вся вселенная для Быкова сжалась, словно ее прокрутили назад до Большого взрыва, сконцентрировалась в одной точке. В этой паршивой комнате, в этом пистолете, в теле на полу. В кривом ручейке из крови человека, которого он убил. И в каком-то тошнотворного вида круглом комочке рядом с телом, который...

О господи. Это...?!

Быкова бросило в жар, а в голове со скоростью света проносились, словно странички пролистываемого комикса, короткие вспышки воспоминаний...

Только сейчас он осознал, что все это – от грустного начала и до трагического конца – было ошибкой. Самой крупной и самой роковой ошибкой в его, Быкова, жизни.

...Вечером Быков пришел в гараж, облачившись в камуфляжную спецовку. Выгнав из гаража свою старенькую «Ауди», осмотрелся по сторонам. Его гараж находился в гаражном кооперативе через дорогу от дома, и в это время здесь было всегда пусто. Очень редко Быков встречал кого-то из соседей. Сейчас это было весьма на руку. Быков шагнул в гараж, к смотровой яме в полу, закрытой досками. Отбросив две крайние доски в сторону, Быков взял лампу переноску. Щелкнул кнопкой, и яркий электрический свет озарил кирпичную кладку смотровой ямы и лестницу. Смотровая яма была пуста. Точнее, такой она должна была казаться для любого человека... Но не для Быкова.

Для удобства еще несколько лет назад Быков вбил в кладку дюбель. И сейчас он повесил переноску на дюбель, как на крючок, и принялся за работу. Кирпич поддался не сразу. Пыхтя и царапая пальцы, Быков все же выудил его из стены. Со вторым и третьим кирпичами дело пошло уже гораздо быстрее. Кирпичи Быков аккуратно, чтобы не разбить, поставил на пол. И погрузил руку в образовавшуюся в стене смотровой ямы темную нишу.

Это был травматический пистолет – с виду точная копия его табельного ПМ. Выудив оружие из тайника, Быков замер, мрачно глядя на черную сталь ствола.

Ошибка.

... – На основании изложенного, руководствуясь ста-

тнями уголовно-процессуального кодекса РФ, суд постановил, – выдала судья. Сухая, с неприятным лицом, в мантии, она сделала короткую дежурную паузу, прежде чем продолжить: – Признать Быкова Илью Андреевича виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 30 —290 УК РФ и статьей 285 УК РФ...

На оглашение приговора пришли Шершук, Дьячков и даже остальные опера из их группы. Проявили солидарность... Но Быкову сейчас было на них плевать. А вот его семья... Валя держалась молодцом, лишь круги под глазами и плотно сжатые губы – подбородок чуть дрожал – выдавали то волнение, которое буквально колотило жену. Она с замиранием сердца слушала приговор, крепко сжимая руку стоящей рядом Светы. Девчонка, совершенно бледная, стояла рядом с отсутствующим видом и смотрела в никуда. Быков молился, чтобы она не грохнулась в обморок, когда услышит самое главное.

– И назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком на 6 лет, – говорила судья.

Валя вздрогнула и закрыла рот ладонью, чтобы не вскрикнуть и не нарушить гробовое молчание в зале суда. Быков прикрыл глаза, чувствуя, что проваливается куда-то. В голове звенело: «Шесть лет». Быков сглотнул, чувствуя, как вдруг жутко пересохло в горле. ШЕСТЬ ЛЕТ...

Ошибка.

Быков поднялся из ямы. Сразу заложил ее досками – Быков всегда любил порядок и делал это машинально – после чего направился к верстаку у дальней стены гаража. Повесил переноску рядом. И снова посмотрел на вороненый пистолет. Такой же, как и его табельный ПМ... Табельный...

Это было импульсивно: Быков сунул руку в карман и достал удостоверение. Красная толстая корочка с гербом России. Быков медленно открыл документ. Изнутри на него смотрело собственное лицо. Быков в полицейской форме, с погонами капитана, смело и прямо смотрел в объектив. Когда-то он смотрел в будущее смело и прямо. А сейчас даже на свой снимок в ксиве Быков смотрел исподлобья. Его переполняла тревога и была нервная дрожь. Быков заставил себя отвести глаза от фотографии. Взгляд скользнул по личным данным. «Быков Илья Андреевич. Капитан полиции. Старший оперуполномоченный УВД г. Оренбурга. Группа по борьбе с незаконным оборотом наркотиков».

Чувствуя, как внутри вспыхивает ярость, Быков не выдержал и прикрыл глаза. Рука сама положила удостоверение на верстак.

Капитаном полиции он был когда-то. Когда-то в прошлой жизни. Как давно это было... Хотя, если посмотреть на календарь, то окажется, что не так уж и давно. Четыре месяца. Самый долгие четыре месяца в его жизни.

Глубоко вдохнув, Быков задержал дыхание на несколько секунд. В висках стучало, но, остановив дыхание, Быков по-

чувствовал, как резко замедлился пульс. Медленно Быков выдохнул, настраиваясь на нужный лад.

Пора, приказал он сам себе.

И достал вязаную шапочку из кармана. Прорези для глаз он прорезал дома. Быков натянул балаклаву на голову.

Бывший капитан полиции: в камуфляже без опознавательных знаков, с травматиком в руке и вязаной шапке с прорезями для глаз на голове. Быков решительно выдохнул и сжал кулаки. Пальцы правой вжались в рукоятку ствола, ощущая каждый миллиметр пистолета.

Пора, снова велел сам себе Быков. Пора...

Но и это было ошибкой.

Возможно, самой большой из всех, которые он сделал за последние месяцы.

Быков – в камуфляже, маске и с пистолетом в руке – смотрел на труп перед ним. На ручеек крови, тянущийся от тела. И на этот круглый комочек, который...

Это был глаз. Выбитый глаз, который лежал сам по себе на полу.

ОШИБКА.

Быкова могло бы вырвать. Но в этот момент его слух уловил звук, от которого на этот раз Быкова бросило в холод – мороз пронесся по телу, оставляя холодный пот.

Это были звуки полицейской сирены.

И звуки приближались...

Леха

За четыре месяца до этого

– Ха, – хмыкнул Лека, глядя на предмет в руке Витька. – Офигеть, ну ты даешь, в натуре, чувак.

Они с Витьком работали около салона сотовой связи на Родимцева, напротив памятника знаменитому советскому военачальнику. Впрочем, ничего о нем Лека не знал – в его жизни были совсем другие, гораздо более приземленные, интересы.

Жуя чипсы, Лека перешел через дорогу и сразу заметил Витька на лавочке. Витек сидел спиной к улице, по которой сновали машины, и вертел в руке дубинку-электрошокер. Черная, сантиметров 30 в длину, с ребристой рукояткой и двумя угрожающе торчащими жалами-электродами.

– Здорова, – буркнул Витек, пряча дубинку.

– От кого отбиваться собрался, Рэмбо, блин? Дай заценить. Витек, да не жмись ты, в натуре, давай!

Витек нехотя передал ему электрошокер. Лека плюхнулся на лавочку рядом, с интересом разглядывая дубинку. Легкая, со шнурком для фиксации на запястье. С двумя кнопками – одна красная, другая – с противоположной стороны рукоятки – зеленая.

– Фига се, гаджет. Где надыбал?

– Парнишка подогнал. Вместо денег. Шокер, прикинь? И дубинка. Если электричеству кирдык, можно как дубиной отмахаться. Пожрать дай.

Леха вручил Витьку пакет чипсов, продолжая изучать дубинку. Нажал на зеленую кнопку – никакой реакции. Хмыкнув, нажал на красную. Снова ничего.

– Че за муть? Она у тебя не работает. Ты хоть проверяй перед тем как...

Леха снова нажал на зеленую кнопку – и вдруг между электродами на конце электрошокера с громким треском пробежала мощная яркая искра. От неожиданности Леха вздрогнул, роняя шокер. Дубинка с глухим стуком шмякнулась на асфальт. Набрав полный рот чипсов, Витек завозмущался, плюясь кусочками:

– Ну ты че, ёлы-палы?!

– Я не думал, что она сразу...! Блин, – Леха чувствовал себя неловко. Подобрал дубинку, вернул ее приятелю. – Работает через раз. Шняга какая-то. А если случайно нажать? Блин, сам себя же долбанешь током!

– Дебил, тут предохранитель.

– Чего?

– Того, е-мое! Красная кнопка включает и выключает, типа предохранителя. А зеленая током фигачит. Лех, у ты руки откуда растут, в натуре? А если сломал бы?

– И че это за дубинка тогда, если она падает и сразу ломается? – Леха расхохотался, довольный, что может посме-

яться над приятелем и тем самым резко вернуть себе самооценку. – Развели тебя как лоха, шнягу дали, а ты повелся! Ну ты, Витёк, кадр в натуре.

– Иди ты, – буркнул Витек, протирая пыльную после падения дубинку ладонью.

А потом Леха, все еще посмеиваясь, заметил Черепа. Тот шел по улице к салону. Леха сразу помрачнел. Он всегда боялся этого типа. Череп был помладше Лехи, ему только недавно стукнуло 20, но возраст был слабым утешением. Череп был громилой под два метра ростом, тупым и агрессивным. Периодически до Лехи доходили слухи об очередной драке и разборке, в которую угодил Череп – и Леха знал, что с этим амбалом лучше не связываться. А значит, с ним выгоднее быть в хороших отношениях.

Поэтому Леха вскочил и первым подал ему руку.

– Здоров, Вован. Че, как она?

Череп пожал руку в ответ, своими свинячьими глазками стрельнул в сторону Витька. Тот успел спрятать дубинку под курткой и хрустел чипсами. Но Черепу непременно помахал:

– Привет, Вован.

Череп не удостоил Витька даже кивком, вместо этого он бросил Лехе:

– Пошли отойдем, чё.

«Приватные беседы» проводились прямо здесь – за павильоном салона сотовой связи, подальше от посторонних глаз. Леха с Витьком работали здесь не первый месяц и давно рас-

пределили роли на случай общения с клиентами. Один говорил с человечком, проворачивая очередную сделку, второй всегда находился был на шухере на случай появления ментов.

Заходя за угол, Череп по привычке покосился по сторонам. После чего, не заметив ничего подозрительно, сунул руку в карман и выудил сотовый. Трубку он передал Лехе.

– Ага. Сейчас заценим...

Леха принялся изучать товар: проверил корпус, надежно ли закрыта крышка. Затем углубился в меню, тыкая кнопки. Череп нетерпеливо кивнул на телефон:

– Ну че? Как труба?

– Ну как, – осторожно отозвался Леха. – Покоцанная малость, видишь? Зарядка на нуле почти. Может, забыли зарядить, а скорее всего аккумулятор дохлый.

– Черный, б..., не лепи давай, – раздраженно зарычал Череп. – Сколько?

– Ну... – Леха быстро соображал, за сколько сможет перепродать сотовый. – За полтора рубля возьму.

– Че?! – Череп откровенно разозлился. – Полторы штуки? Охерел, что ли? А ты за 3 толкнешь потом? Я те чё, на лоха похож, да?

– Вован, ты ж знаешь, я тебя не кидаю никогда! – заторопился Леха. Вид злого Черепки приволил его практически в ужас. – Да я с трубки больше пятихатки не имею никогда, в натуре! Но я не могу больше дать, отвечаю, Вован!

Запахло опасностью – Леха практически ощущал всей шкурой, что Череп сейчас с удовольствием двинул бы ему в зубы. Зная Черепу, Леха понимал, что тот никогда и ни с кем не церемонится – даже с достойными противниками. А щуплый Леха достойным противником не был.

Но Череп вдруг успокоился, принявшись размышлять, что делать.

– Б... дь... Мне короче бабосы срочно нужны. Штук десять. И тогда я смогу поднять двадцатку. Займешь? Я отдам через неделю, без бэ.

Пронесло.

– Вован, не обессудь, но я ваще пустой!

– Не гони мне.

– Да я отвечаю, в натуре, чувак! – Леха для убедительности всплеснул руками. – Вчера с Танюхой в кафе посидели. Ну, с подругой... А с трубами народ не идет, ты сегодня ваще первый.

– Б... дь, – буркнул Череп. – А у кого занять можно, знаешь?

– Да хрен его... – начал Леха, но, памятуя о своей тактике, быстро поправился: – Я поспрашиваю у пацанов, может кто подгонит. А на кой тебе?

– А те че, все интересно? – огрызнулся Череп. Но ему на самом деле были нужны деньги, потому что он тут же снизошел до нормального ответа: – Цирик вернулся. Снова банчить начал, короче. Мне обещал дать пару грамм. Я бы толк-

нул и сразу тебе отдал, фигли. Че, подогреешь, нет?

Леха покивал для солидности, затем развел руками:

– Извини, Вован. Ты ж знаешь, брателло, я без бэ дал бы, но я в натуре пустой.

Череп покосился на Леху. Возможно, подозревал, что ему врут – а оно именно так и было. А может, просто держался образа. Снова ругнувшись, Череп нехотя махнул рукой:

– Ладно, мля, хер с тобой. Давай свои полторы штуки.

Быков

– Еще с земли сообщенка пришла, из Ленинского, – Шершук быстро пробежался глазами по тексту в бумажке, чтобы вспомнить, о чем речь. – В Восточном какая-то Зоя анашой стала банчить. Работает по звонку, подвозит сама. Это все что есть, – недовольно проворчал майор. – Сливают шлак всякий, уроды... Кто такая, знаем?

Шершук посмотрел на оперов, сидящих за столом для совещаний в небольшом кабинете начальника группы. Быков, Дьячков, Хорошев и Аманов – весь личный состав отдела наркотиков городского УВД. Традиционный ежедневный развод в начале дня перед тем, как заняться текучкой. Опера переглянулись. Хорошев почесал затылок:

– Может, Кудрина? У нее муж работал так. Генка Рыжий.

– Хорошо, вот ты и пробей, – кивнул Шершук, передавая оперу сообщенку с ОВД. – Так, что у нас дальше...? Быков, ты по Афанасьеву когда заканчивать будешь? Уже две недели тянешь.

Быков прокашлялся.

– Я подвел агента. Теперь жду, когда Афанасьев народ соберет, чтобы раскумариться. Тогда и можно будет брать пригон.

Шершук выслушал его со скептицизмом, после чего оглядел оперов.

– Вчера на оперативке шеф опять гундосил, что отдел наркотиков непонятно чем занимается. Так что мне нужны раскрития. К концу недели как минимум одна палка чтоб была. По кому сработаете, мне плевать, но сработайте уже. И желательно больше грамма, чтобы особо крупный. Мне с вазелином на ковер бегать не хочется. Всем ясно?

После развода Быков и Дьячков отправились в курилку.

– Илюх, как бы у нас с притоном не обломилось, – сказал Дьячков, закуривая. – Афанасий сейчас пустой. Мы так и месяц можем ждать, когда у него бабло появится.

Быков невесело кивнул.

– Мда... А что, есть другие варианты какие-то?

– Ну хэ зэ. У меня одна наколочка висит, но там пробивать надо...

– Ты Шершука слышал? До конца недели. – Быков выдохнул дым, размышляя над ситуацией. – Надо это, в дежурке сводку по городу взять. Или в обезьяннике народ потрясти. В прошлый раз помогло.

– Если хочешь, я спущусь, – согласился Дьячков. – Хотя не, давай потом. Пошли пожрем лучше.

У Быкова зазвонил сотовый. Выудив телефон из кармана, Быков увидел знакомый номер. Очень вовремя.

– Да, – слушая собеседника, Быков чуть улыбнулся и даже подмигнул Дьячкову. – Что-то интересное, говоришь? Понял. Когда можем пересечься?

Встретились они уже через час на пустыре на Липовой,

вдоль которого тянулась толстая, в метр высотой, теплотрасса. Дьячков остался около машины Быкова, наблюдая, как напарник подошел к ожидавшему их парнишке. После обмена дежурными репликами Леха перешел к делу.

– Цирик в Орске у пацанов торчал. Может мутит что-то, может и нет. Но он сейчас барыжит опять, Илья Андреевич. Быков кивнул.

– Так. А на дому толкает или через закладки, ты не в курсе?

– Вот чего не знаю, того не знаю. Да я, блин, даже не в курсах, где сейчас Цирик живет. Его ж предки еще год назад выперли.

– Ну я в курсе, – с улыбкой подтвердил Быков.

Опер давно знал повадки своего агента, и ему было всегда забавно наблюдать, как Леха «продает» информацию. Сначала озвучивает все трудности, с которыми он столкнулся, чтобы раздобыть сведения. Только когда Лехе кажется, что Быков уже убедился в героизме помощника, он переходит к главному.

– Но я тут с парочкой пацанов перетер, – продолжал Леха. – И короче пробил, что Цирика видели пару раз на этой неделе в пивнухе на Ленинской.

– Та, которая около пивзавода?

– Ага. Он и раньше же вроде там зависал. – помявшись, Леха выдал, косясь на опера: – Вы это, Илья Андреич... Вы типа деньгами не подогреете?

Парень просил деньги далеко не так часто, как мог, поэтому Быков не думая расстался с купюрой в тысячу рублей.

По пути в управление Дьячков осведомился:

– Опять бабло попросил? Он там сам случайно на наркоту не присел?

– Смеешься? Кто угодно, только не Леха Черный. Я скорее поверю, что ты на наркоту подсел, чем он.

– Ну спасибо, – отозвался Дьячков.

– Пацан нарколыг терпеть не может. А барыг еще больше. Дьячков недоверчиво покосился на напарника.

– Да ладно? Идейный стукач? Такие еще бывают?

– Как видишь.

– Охренеть. А чего не говорил раньше?

Быков поколебался перед тем, как ответить. Но они с Дьячковым за годы совместной работы в группе по наркотикам давно поняли, что доверять друг другу можно.

– У Лехи родная сестра кончила плохо. Студенткой была, где-то в тусовке винт попробовала. И сторчалась. Померла от передоза пять лет назад. Сам Леха тогда только школу закончил...

Дьячков неопределенно кивнул. Все было и так понятно. С подобными историями они на работе сталкивались часто. Возможно, слишком часто. Уж точно гораздо чаще, чем хотелось.

– Илюх, что с Цириком-то будем делать?

– Надо проверить наколку. Леха порожняк мне пока еще

не подсовывал. Мы знаем, где Цирик оттягивается по вечерам.

Быков еще не знал. Но это стало его первой ошибкой. И началом конца.

– Замашки у него какие-то барские. Где понабрался, интересно?

– У орских ништячков¹? – хмыкнул Дьячков.

Быков и Дьячков второй вечер коротали время, наблюдая за уличным кафе около пивзавода. Кафе под навесом, огороженным деревянным заборчиком, было уютным, но пользовалось определенной репутацией – бывали здесь исключительно гопники, шпана, наркоманы и прочий сброд.

В первый вечер им не повезло – Цирика в кафе не оказалось. Зато появились какие-то хмыри, которые знатно напились, а ближе к полуночи устроили пьяную драку.

А вот на второй вечер результат проявился: уже через полчаса после того, как Быков припарковал свою машину в тени дерева напротив кафе, на тротуаре показался Цирик. Невысокий, лет 25—30, бритоголовый, но с обязательной щети-

¹ Особое явление, которое наблюдается только в городе Орск. Где-то в 70-х годах прошлого столетия среди люмпенизированной молодежи города возникла прослойка людей, называющих себя ништяками (ништячками). Ништяки придерживались определенного стиля в одежде (пиджак, кепка и обязательно тапки на босу ногу), обожали сидеть на корточках и придерживались бытовых привычек, принятых в местах лишения свободы. Эта своеобразная субкультура наблюдается в Орске до сих пор.

ной, почти переходящей в бороду – Цирик был уверен, что это выглядит стильно, невероятно круто и вообще то что надо – любитель ходить в белой майке и с толстенной цепью на шее, Цирик вел себя в кафе как дома. Развалившись за столиком, он с важным видом созерцал зал, потягивал пиво, курил, подшучивал с официантками и свысока смотрел на других посетителей.

– У него раньше цепь была?

– Неа.

– Значит, разжился на бабло. Походу, твой стукачок не порожняк нам прогнал.

Быков вместо ответа лишь протянул руку. Понимая все без слов, Дьячков выудил фотоаппарат из бардачка. Камера была старенькой, но с мощным объективом – то, что надо для наружки. Быков навел фотоаппарат на Цирика, сделал максимальный зум. Лощеное лицо Цирика, который закуривал очередную сигарету. Быков щелкнул несколько кадров.

– Илюх, смотри.

К кафе подходили двое. Дьячков щурился, пытаясь понять, знает ли их. Один из парочки заметил Цирика, бросил что-то второму. Цирик махнул им рукой, подзывая к своему столику, после чего подозвал официантку.

– Отмечают что-то?

– Ты знаешь этих двоих?

Через зум Быков наблюдал за парочкой, которые уже подошли к столику Цирика. Все трое были рады встрече – один

крепко пожал руку Цирика, что-то галдя с улыбкой, второй и вовсе приобнял его.

– Бандосы, е-мое, – фыркнул Дьячков. – Насмотрелись кино и как обезьяны все перенимают. Думают, это выглядит круто.

– Культ Карго – болезнь нашей цивилизации.

– Культ чего?

Быков не ответил: сделав еще пару снимков приятелей Цирика, он вдруг узнал одного.

– Коль, вон тот черт, в черной футболке. Это же Шкет.

– Да ладно? Дай-ка. – Дьячков отобрал камеру, чтобы разглядеть гоп-компанию за столиком. – Точно, Шкет. И этот снова в деле, да еще и с Цириком. Забавненько. А второй?

– Его не знаю. Кто-то новенький.

– Познакомимся, не вопрос.

Но в этот вечер не было ничего примечательного. Цирик, Шкет и второй тип, похожий на типичного наркомана, пили пиво, курили и вообще весело проводили время. Но застолье оплачивал Цирик. Значит, деньги у него были. А когда год назад Цирик, узнав, что у отдела наркотиков есть на него наводка и он попал в разработку, свалил из города, он был на мели. И сейчас опера были уверены, что Цирик – с его-то двумя ходками за наркоту – явно не устроился на высокооплачиваемую работу.

Значит, Цирик снова в деле.

Поэтому Быков решил продолжить наблюдение. Тем бо-

лее, утром оказалось, что Хорошев и Аманов принесли в отдел желаемую начальством палку за раскрытие: вечером ППСники тормознули типа с дозой на кармане, вызвали дежурного опера – но опер с земли был на выезде – поэтому материал передали в город. Хорошев и Аманов подсустились, и к утру у них уже имелось дело на руках. Пользуясь этим, Быков выбил у Шершука разрешение на разработку «перспективного клиента», не углубляясь в подробности.

Шершук дал Быкову три дня.

Им этого хватило.

На следующий день Быков и Дьячков были у дома Цирика, до которого они пропасли его накануне. Цирик выбрался наружу только к обеду. Послonyaлся по району, пересекаясь с несколькими людьми. Кое-кого из них опера знали – все были «в теме». Цирик взял такси, отправился в Дзержинский, где на улице встретился с громилой. Его Быков знал благодаря информации Лехи – это был Череп, иногда подрабатывавший разовыми мелкими сделками по наркоте. Цирик и Череп пообщались на улице, Цирик надиктовал ему со своего сотового чей-то номер. Череп все записал, пожал ему руку и отчалил. Судя по физиономии Черепе, он был рад.

– У них реально что-то намечается, – отметил Быков. – Все эти стрелки по всему городу... Цирик дает понять людям, что он снова в деле.

А вечером Цирик снова отправился в уличную кафешку

около пивзавода. На этот раз Цирик встречался с девушкой. Стройная, красивая, но при внимательном рассмотрении наметанные глаза оперов выцепили следы неправильного образа жизни. Цвет кожи, круги под глазами, своеобразные взгляды, которым она окидывала других посетителей в кафе – барышня безошибочно вычленяла «своих».

– Интересно, давно она на игле? – подумал вслух Дьячков.

Первый день не принес ничего, кроме понимания, что что-то происходит. На второй день это понимание только усилилось.

Цирик шел по улице, говоря с кем-то по телефону. Зашел в магазин – продуктовый павильончик на углу. И, продолжая разговаривать по сотовому, Цирик быстро, но внимательно оглядел улицу через витрину.

Быков видел его взгляд в объектив фотоаппарата – цепкий, настороженный.

– Не, ты понял? – оторопел Быков. – Он проверяется!

– Что?

– Цирик хвост отсекает.

Дьячков был также озадачен.

– Цирик и конспирация? Что-то новое.

Опера переглянулись. Это могло означать только одно.

– Коль, он барыжит. Теперь я уверен. И барыжит, походу, по-крупному.

Им повезло на третий день. Ближе к обеду Цирик отправился на свой, вероятно, традиционный променад. Несколь-

ко раз созванивался с кем-то. Затем посетил пару адресов. Операм пришлось лишь записать их – авось поиск по карто-теке покажет, кто из старых связей Цирика и потенциальных клиентов наркоотдела может жить здесь.

А затем он сел в маршрутку и покатил в Степной. Выбравшись из остановки на Салмышской, Цирик двинулся по тротуару. Пару раз проверился, но неумело – сначала сделал вид, что обернулся на проходящую мимо девушку, затем не выдержал и просто оглянулся, быстро пошарив взглядом по улице. Опера встали у обочины через дорогу, внимательно за ним наблюдая.

– Сейчас, – бросил Быков, трогаясь.

– Что?

– Закладка будет сейчас, ты не видишь?!

Быков дал по газам. Машина обогнала бредущего по тротуару Цирика. Дьячков выгнулся назад, следя за ним.

– Сворачивает!

Цирик нырнул за угол супермаркета, на дорожку, ведущую через небольшой поросший кустарником пустырь к жилым домам. Быков дернул руль влево, подрезая мчащийся навстречу автомобиль – тот возмущенно посигналил – и свернул к супермаркету.

Цирик двигался через пустырь. Оглянувшись и никого не увидев, он достал пачку сигарет и зажигалку. Закурил, после чего быстро спрятал пачку в карман. Также быстро, отработанным движением, он выудил из кармана другую пач-

ку, чуть смял ее и бросил в траву.

Цирик успел сделать лишь шаг, когда из-за угла выскочил Дьячков. На бегу выхватывая пистолет, он рванул к Цирику, голося что есть мочи:

– Давай-давай-давай!

Цирик резко обернулся. Дьячков мчался прямо на него. А из-за угла супермаркета выскочила, подпрыгнув на колдобине, «Ауди» Быкова.

Цирик прыгнул было к брошенной пачке. Машина Быкова засигналила, несясь на него. Дьячков вскинул оружие, крича:

– На землю! Лег на землю! Полиция!

Цирик понял, что выпотрошить пачку не успеет, и рванул прочь. «Ауди», поднимая клубы пыли, неслась прямо на него. Цирик не успел добежать даже до угла. Слыша за спиной рев двигателя, он отскочил к стене, боясь, что его собьют. Быков дал по тормозам. Машину развернуло от резкого торможения. Вывалившись из-за руля, Быков рякнул:

– Вниз, сука! Лежать!

Цирик колебался, для него все произошло слишком неожиданно. Быков выхватил табельный пистолет и, тыча им в лицо Цирику, рывком за майку повалил его на землю.

– Руки за голову! Быстро, б..., сказал!

Цирик повиновался. Быков вдавил колено ему между лопаток, обшарил карманы.

– Илюх!

Дьячков был под деревом. Пошарив под деревом с помо-

щью ствола, которым он ворошил траву, Дьячков обнаружил чуть смятую сигаретную пачку. Заглянул внутрь.

– Ну? Есть?!

Это была закладка: в смятой сигаретной пачке находился пакетик с порошком серого цвета. Дьячков радостно махнул Быкову:

– У нас джек-пот!

Цирик был хмурым и подавленным. Его белая майка растянулась от рывка, когда Быков валил Цирика на землю, и это портило весь внешний вид – теперь Цирик был похож на обросшего забулдыгу в майке-алкоголичке с чужого плеча.

– Десять граммов, Цирик, – повторил Быков. – Это до хрена. Ты сам знаешь, правда?

– Особо крупный размер, – поддакнул стоявший в стороне Дьячков. – Двадцаточка тебе светит, чувачок. По году за каждые полграмма.

– Понял, не дурак, – огрызнулся Цирик. – Обязательно разжевывать все?

– Зря ты в Орске не остался. Или там тебя тоже менты поприжали?

– Да развелось вас, как тараканов, – осмелился Цирик, но, встретив хмурый и не обещающий ничего хорошего взгляд Быкова, отвел глаза.

Была ночь. Холостому Дьячкову было не привыкать, а вот

Быкову пришлось выдержать не самый простой разговор с женой. Но если у оперов был хотя бы кофе, то Цирик имел лишь испорченные шмотки и недобрые перспективы на будущее.

– Подумай, парень, – снова перешел к главному, уже не в первый раз, Быков. – Ты можешь до пенсии на зоне чалиться. Статья по особо крупному итак тебе это выпишет. А плюс судья с твоими ходками за плечами нарисует тебе рецидивиста. Отвечаю, что нарисует. И накинёт ещё парочку лет.

– Не накинёт, – буркнул Цирик. – Двадцатка – это и так максималка, блин. Я ж не мокрушник какой. Вы вон маньякам по пятнашке даете.

– Если тебя это успокоит – хорошо, судья ничего не накинёт. Тебе легче? Двадцатку оттарабанил – и на свободу с чистой совестью. Сколько тебе будет, сорок пять?

– Сорок восемь, – подал голос Дьячков. – Почти полтинник.

– Наверняка с тубиком и кучей других зоновских подарков, – согласился Быков. – Цирик, ты этого хочешь? От корешей никого не останется. Баба твоя, которая на тебя как на бога в кабаках смотрит и в рот заглядывает, о тебе даже не вспомнит. Если не сторчится к этому времени. От корешей никого не останется. Здоровья ни хрена, денег ни хрена, а жизнь и прошла почти...

– Хватит, – не выдержал Цирик. Нервно потерев бив цепь

на шее, он покосился на оперов. – Вы чего меня, обрабатываете типа? Чтобы я сказал что-то?

– А тебе есть что сказать?

– Допустим.

– Сначала скажи, а мы подумаем.

Цирик мрачно хмыкнул.

– Ага. И вы меня отпускаете, да? Иди, Цирик, наслаждайся жизнью?

– Так не будет, конечно, – ответил Быков. – Но свое взамен ты получишь. Я никого не кидаю, Цирик, и ты это знаешь. Тебе зачтется.

Цирик знал: в городском отделе по наркотикам было слишком мало сотрудников, и старые клиенты вроде Цирика знали каждого. И у каждого опера в группе была своя репутация. Репутация Быкова позволяла ему говорить «я никого не кидаю».

Цирик вздохнул.

– Сигарету можно?

Быков пододвинул к нему пачку. Цирик циркнул зажигалкой, затянулся. Рука чуть дрожала от волнения, но это нормально. Цирик помолчал, размышляя, как ему поступить в этой ситуации. Быков отхлебнул кофе и тоже закурил, не сводя глаз с задержанного.

Наконец тот решился.

– Ладно, хрен с вами. Это... Это Иконник.

Быков удивленно нахмурился.

– Дима Иконников?

– Угу.

– Он не в деле же давно.

– Еще как в деле, – хмыкнул Цирик. – Иконник неделю назад получил сто граммов под сбыт.

– Героин?

– Ну не повидло же, блин.

– Так. – Быков задумчиво потарабанил пальцами по столу. – Чей товар? Кто ему так доверяет, что под реализацию отдал?

Цирик неопределенно повел плечом.

– Да хер его знает... От какого-то Тучи.

– Тучи? Что за Туча?

– Какой-то Туча и все. Кто такой, я не знаю. Новенький кто-то. Иконник мне только раз эту погремуху назвал, так что больше я ничего не знаю.

Быков и Дьячков переглянулись. Это было уже интересно.

Шершук

– У Иконника было сто граммов, – докладывал Быков. – По словам Цирика, сейчас осталось где-то около половины. Так что нужно сработать быстро. Можем не успеть.

Шершук кивал, слушая подчиненного.

– Думаешь, разовая работа?

– Хрен его знает. А вдруг? Лучше не рисковать.

Шершук кивнул.

– Человечка подвести к нему можешь?

– Филипп Львович, – помялся Быков. – В городе сейчас пусто, после того как Рамиля наркоконтроль накрыл...

Шершук практически машинально нахмурился. Это была больная тема. Конкуренты из ФСКН по чистой случайности вышли на одного из приближенных Рамиля, крупного наркодельца, который организовал собственный канал поставки героина в город из Соль-Илецка – откуда, в свою очередь, товар через степь поступал из Казахстана. И за Рамилем почти полгода охотились и наркоконтроль, и отдел наркотиков городского УВД. Как назло, от полиции Рамиль все время уходил – каким-то чудом, словно чувствовал, что его выслеживают. А вот скинуть с хвоста коллег из ФСКН не смог. Наркоконтроль сработал быстро, поняв, какой шанс попал им в руки. По горячим следам Рамиля задержали прямо на съемной квартире, оборудованной его группировкой

под склад. И пока руководство областного Госнарконтроля примеряло новые звездочки, Шершук впал в немилость к шефу угрозыска.

—...Герыча сейчас нет, а если появляется, то он разлетается сразу, как горячие пирожки, — продолжал Быков. — Если будем медлить, Иконник толкнет все. Может быть, у нас новый оптовик появился. Но может быть и такое, что это разовая партия, а не устойчивый канал. И тогда мы вообще с носом останемся.

Шершук задумчиво поскрябал в затылке, но все же кивнул.

— Хорошо. Давай резолюцию, я подпишу. И дуйте к следаку за постановлением.

Быков удовлетворенно протянул шефу готовый документ.

— Если возьмем с товаром, Иконника можно раскрутить на поставщика. Было бы круто. У нас есть его погремуха, можно взять Иконника на понт и встрясти все.

— А мы о нем хоть что-нибудь знаем? — заинтересовался Шершук. — Кто поставщик? Что за погремуха?

— Какой-то Туча. Кто такой, хер знает. Я ни разу это погоняйло не слышал. По донесениям тоже не проходило, мы пробили. Так что копать нужно.

Шершук осторожно кивнул и вернул подписанную бумагу оперу.

Когда Дьячков и Быков вышли, Шершук нахмурился и задумчиво и встревоженно затарабанил пальцами по столу. Де-

ло принимало неожиданный для Шершука оборот... Нужно было звонить. И рука майора потянулась к резервному сотовому, номер которого знал лишь один человек в городе.

Быков

– Привет, Иконник, – сказал Быков, вырастая перед появившимся на пороге квартиры хозяином. – Давно не виделись.

Иконник был в домашней одежде: спортивные штаны, резиновые шлепанцы и футболка. Бытовую зарисовку чуть портил рисунок семилистника на футболке – лист марихуаны. Жилистый, лет 30 с небольшим, на улице Иконник пользовался репутацией опасного человека, с которым лучше не связываться. Он вышел сам – Быков и Дьячков караулили его в подъезде почти полтора часа. Иконник напрягся, обернулся – и увидел позади себя появившегося словно из ниоткуда Дьячкова. Тот стоял в двери, блокируя Иконнику путь к отступлению.

– В гробу я тебя видал, – буркнул Иконник.

Дальше было дело техники, к которому привыкли все трое: Иконника толкнули лицом к стене, обыскали карманы. Иконник не был напуган – скорее, зол. И это озадачивало.

– Давай без фокусов, Дима, – предупредил Дьячков.

– Куда собрался в таком виде? – спросил Быков. – Классные кстати тапочки.

Иконник не ответил.

В его карманах было пусто. Но в левой руке Иконник что-то сжимал.

– Пальцы разомни.

Быков отобрал у него предмет. Это был сувальдный ключ. Повертев его, Быков сунул ключ в карман Иконника. Тем временем Дьячков громко бросил куда-то вниз:

– Все чисто, заходим!

Затопали шаги. Скосив взгляд, Иконник увидел поднимающихся по лестнице следователя в форме, опера из местного ОВД и двух понятых-соседей. Те явно не были поклонниками жилья сверху, потому что зашушукались, злорадно поглядывая на Иконника.

– Наш клиент? – следователь кивнул на Иконника и, получив утвердительный ответ, завел привычную шарманку: – Дмитрий Иконников, у нас постановление. Сейчас в вашей квартире в вашем присутствии будет произведен обыск...

Следователь открыл папку, чтобы выудить документ. Но бумага Иконникова мало интересовала. Как и обыск. Потому что он сухо бросил Быкову:

– Зря стараетесь.

Но Быков и сам уже понимал это, видя до удивления спокойную реакцию Иконника на все происходящее.

Как обычно, обыск занял довольно много времени. Дьячков и опер с земли планомерно и методично проверяли содержимое полков, шкафов, антресолей, кладовки, балконов и т. д. и т. п. Понятые шушукались. Иконник спокойно, но исподлобья, всем своим видом демонстрируя, как он относится к ментам и к их появлению в своем доме, наблюдал

за происходящим. Следовательно со скучающим видом делал пометки в документах, постоянно отвлекаясь на сотовый телефон – вероятно, у него был гораздо более интересный sms-диалог.

Выйдя из квартиры, Дьячков обнаружил напарника на лестнице. Тот сидел на ступеньках, курил и невесело думал о своем. Дьячков также закурил.

– С кухней закончили. Остались ванная и туалет. Но... Пустой он, Илюх.

– Понял уже, – пробурчал Быков.

– Порожняк. Б... дь.

– Значит, не дома хранит.

– Ну а где? Гаража у него нет. Может, сарай где-нибудь поблизости снимает? Или тот же гараж...?

– Этого мы уже не узнаем.

Быкову не хотелось смаковать ситуацию. Встав, он щелчком отправил окурочек на межэтажную площадку. Дымящийся бычок приземлился прямо под железной дверью межэтажной кладовой кого-то из соседей Иконникова. Только что ускользнувшего от оперов Иконникова...

– Убедился? – ворчал Шершук, когда опера вернулись в управление с пустыми руками. – Убедился, Быков? Я же говорил, надо его попасти сначала было. Человечка подвести, закупочку организовать. Нет, б... дь, тебе приспичило! «Ускользнет Иконник, ускользнет!» Теперь доволен?

Быков помолчал.

– Филипп Львович, я вот думаю... Может, его предупредил кто-то?

Шершук выкатил на Быкова глаза.

– Чего? И кто же, например?

– Цирик. Он в обезьяннике в Дзержинке. Может, через кого-то из тамошних постояльцев Иконнику маляву толкнул. Или позвонил. Сами знаете, как у нас в Дзержинке...

– Может, и так, – огрызнулся Шершук. – А может, он телепат. А может, Иконник вообще чистый. Много чего может быть, Быков. Да вот только толку-то теперь отмазы придумывать, почему у тебя облом вышел?

– Дайте мне его потрясти.

– Чего? И как ты это себе представляешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.